

ИЗ МАТЕРИАЛОВ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЛ А. К. ГОРСКОГО 1927 И 1929 ГГ.

ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВНОГО СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА № Р-15997 (1927 г.)¹

Протокол допроса А. К. Горского от 25 июня 1927 г.

Вопрос: — Вы мистик?

Ответ: — Да, я мистик, но считаю, что мистика должна быть изжита путем большего прогресса науки, я сторонник учения Федорова.

Вопрос: — Скажите, в Дивеево² Вы ездили? Зачем?

Ответ: — Да, был, с целью исследования апокалиптического настроения, центром которого Дивеево является. Там много слышно и известно, тамошние настроения разделяются многими, напр<имер> пустынноиками на Кавказе и другими. Ездил я с той целью, чтобы использовать это движение для направления его в иное русло, переведя его с рельс ожидания катастрофы для более непосредственного жизненного строительства. Мы, как я уже говорил, считаем необходимым это движение использовать.

Вопрос: — Кто это «мы», о которых Вы говорите в множественном числе?

Ответ: — Я говорю о себе и моем друге Сетницком, больше я никого не могу назвать, кто бы мог причислить себя к нам. Другие течения не подписываются под тем, что утверждаем мы. <...>

Вопрос: — Что за Гумилевский, о котором идет речь в записках: «как узнать антихриста»?

Ответ: — Священник Илья Гумилевский³, который также принадлежит к числу индивидуалистов-апокалиптиков.

Вопрос: — (по предъявлению выписки из книги Булгакова «Два града»): Вы разделяете взгляды Булгакова о том, что социализм «деформированный хилиазм, а последний порождение еврейской философии (религии)»?

Ответ: — Я считаю, что социализм есть результат или следствие предыдущих систем, в частности иудаизма и христианства. Разрушительное начало в социалистических учениях носит некоторый оттенок иудаизма, а творческий — христианства.

Вопрос: — Что за заметки о роли еврейства в Европе и Америке?

Ответ: — Это заметки для моего сочинения о Достоевском, освещающие отношение последнего к еврейскому народу. Я лично считаю, что евреи и христиане за два назначенных для мировой миссии народа. <...>

Вопрос: — Каково Ваше отношение к «евразийцам»?

Ответ: — Я считал бы их подходящими по их идеям, так как они одно время были близки к учению Федорова или, точнее, к некоторым моментам его учения, напр<имер>, учения о роли азиатских народов в будущем и т. д. В последнее время, в связи с тем, что они превратились в партию, я в них несколько разубедился, перестал ценить их как явление серьезное.

Вопрос: — Как часто Вам, федоровцам, приходилось собираться?

Ответ: — В этом году совсем не собирались. Показание мне прочитано и с моих слов записано верно, в чем и подписываюсь.

А. Горский

На обороте: в строчке 9-ой читать не «христианство», а «русские».

А. Горский

25 июня 1927 г.

Протокол допроса А. К. Горского от 28 июня 1927 г.

Мое отношение к евразийцам было мною указано в прошлый раз. Наше отношение к политике Соввласти следующее: по четырем основным моментам: а) отрицание и борьба с ним; б) вопрос об империализме и войне; в) отношение к деревне (лицом к деревне) и г) новые формы развития деревни «от отсталого земледелия к промышленному».

Мы считаем, что борьба с опасностью войны должна вестись путем распространения учения Федорова, а практически — путем использования мощи армий для борьбы с природой. При полном овладении атмосферическими условиями «деревня возьмет преобладание над город<ом>», город станет «городом-деревней».

В отношении самой системы государства «Федоров высказывался за необходимость сильной власти» — монархии. Это, однако, не заставило меня блокироваться с самодержавием, я понимаю этот момент шире: вообще твердая власть, диктатура, но не обязательно монархия.

В отношении церкви мы считаем себя христианами и обвиняем церковников в том, что они перестали быть таковыми. По учению Федорова, «кладбищенско-церковные объединения» должны стать центрами общественной жизни.

С евразийцами в личных связях мы не состоим. Сетницкий только интересуется ими, да разослал им сочинение совместное наше (мое и его) для зондировки⁴. Послал я его и Максиму Горькому. Последний собирается издать его с<о> своим предисловием (это речь идет о моем новом сочинении: «Федоров и современность»)⁵.

Показание мне прочитано и с моих слов записано верно:

А. Горский

Добавление: учение Федорова более подходит для указанных выше четырех наших основных положений, чем марксизм, как мне кажется, так как учение Федорова более категорично и исключает возможность споров по принципиальным вопросам — об отношении к войне и к деревне.

А. Горский

**Постановление 6 отделения СО ГПУ в отношении
А. К. Горского от 28 июня 1927 г.**

Постановление о предъявлении обвинения

Июня «28» дня 1927 года, я, уполномоченный 6-го отд<еления> СО ОГПУ Казанский А. В., рассмотрев следственное производство по делу № [46799] на гр<аждани>на Горского-Горностаева Александра Константиновича, нашел, что таковой создал небольшую группировку т<ак> называемых «федоровцев», занявшуюся пропагандой реакционного учения Федорова, вошедшую в сношения с антисоветской эмиграцией и т. д., стремясь использовать религиозные настроения верующих в антисоветских целях; посему постановляю: предъявить Горскому обвинение по ст. 58–14 УК. Мерой пресечения избрать содержание под стражей.

Уп<олномоченный> 6-го отд<еления> СО ОГПУ Казанский

Настоящее постановление мне объявлено

А. Горский

**ДОКУМЕНТЫ ИЗ АРХИВНОГО СЛЕДСТВЕННОГО ДЕЛА
№ Р-41235 (1929 г.)⁶**

Протокол допроса А. К. Горского от 10 января 1929 г.

Показания по существу дела:

В ответ на заданные вопросы, прежде всего, удостоверяю, что ни о каком братстве Воскресения или Серафима Саровского⁷ мне

в течение всего времени и до сего дня не было ничего известно, и никто из встречаемых мне лиц, говоря на разных языках (иногда очень откровенно), не обмолвился ни одним намеком о существовании такового.

Мой интерес к религиозно-философским исканиям основывался на возможной близости или подходе этих исканий к учению Н. Ф. Федорова, до 1926—1927 года мне приходилось встречать в Москве и в Ленинграде немало лиц, заинтересованных религиозными вопросами, но, как общее правило, было их отрицательное и трусливое отношение к проблеме, поставленной Федоровым, о полном овладении объединенным человечеством всеми слепыми силами природы.

На эту тему в 1924—[19]25 г. велась в частных домах, например у Лемана Георгия Адольфовича, Постникова Григория Васильевича, у какого-то старообрядца, фамилию которого не помню, оживленные споры между нами (т. е. мной и Николаем Александровичем Сетницким, работавшим вместе со мной по изучению идей Федорова) и представителями разных религиозных течений — как то професс<ором> Лосевым⁸, имени его не помню. Их возражения были потом нами подвергнуты критике и опровергнуты в изданном с Сетницким в 1926 г. трактате под названием «Смертобожничество». После выхода в свет этого трактата отношения между мной и различными представителями религиозно-философских кругов в корне изменились. Вместо разговоров, никчемных и отнимающих время, я [начал] предлагать всем возражающим формулировать свои контр-тезисы на выставленные нами тезисы. Не будучи в состоянии этого сделать, все начали уклоняться и избегать общения, которого я, впрочем, и не искал. С теми же лицами, которые работали в областях смежного характера с идеями Федорова, продолжалось общение в чисто деловом плане, например с Муравьевым Валерианом Николаевичем, выпустившим книгу «Овладение временем», работающим сейчас в ЦИТе, Иванецким Павлом Ивановичем, занявшимся проблемой искусственного дождя⁹. Поездка в Ленинград в апреле [19]27 г. совпала с выходом и получением нескольких экземпляров «Смертобожничества». Главной целью ее было установить мою связь с друзьями и родными А. Блока и лицами, работающими в области его творчества, которым я тогда (весна [19]27 г.) был занят. Этого я и достиг, войдя в контакт с вдовой¹⁰ и теткой¹¹ поэта и прочтя доклад «О Блоке и Гоголе» на квартире Пинеса Дмитрия Михайловича¹²; тезисы доклада, читанного ранее в Москве в ГАХН, могу предоставить¹³; далее, не считая научных задач (связь с пушкинистами, с академиком Борисом Львовичем Модзалевским¹⁴ и др.), меня интересовали религиозно-философские искания в Ленинграде и их реакция на «Смертобожничество». Для этой цели я обратился к Комаровичу,

о работе которого над вопросом об отношении Федорова и Достоевского мне было известно еще в Москве в секции Достоевского. От него я получил сведения об издаваемой ими в Вене по-немецки книги, посвященной этому вопросу¹⁵, и просил он меня прислать ему одну неизданную фотографию Федорова, что я так и не собрался исполнить, отчасти думая оставить ее опубликованием за собой¹⁶. Более никаких сношений с Комаровичем у меня не было. Но, по существу, ведя вопрос не с историко-литературной точки зрения, он сделал против точек зрения Федорова ряд возражений, показавшихся мне довольно плоскими. С Аничковым Игорем Евгеньевичем¹⁷ я был два раза. Сначала принес ему названный трактат, а затем выслушал его и других, собравшихся у него знакомых, замечания по этому поводу. В этих замечаниях был некоторый интерес и желание ближе ознакомиться с вопросами, там поставленными, но, в сущности, оставалось тоже робкое умывание рук перед проблемой. В частности, возражения, которые они ставили друг с другом, были не согласованы. То, что говорил Аничков с одной стороны, Аскольдов¹⁸ — с другой, обнаружило их полную несогласованность в остальных препираниях, и все это не производило впечатления сколько-нибудь спаянного и единомысленного кружка. Мне ничего не стоило столкнуть их друг с другом, вместо того, чтобы самому с ними спорить. При таких условиях говорить о каких-нибудь практических и «организационных выводах» в смысле хотя бы взаимной осведомленности не представлялось никакой нужды. И уехавши из Ленинграда, никакой ни с кем из них связи, ни письменной, ни через своих знакомых, я не держал. Не потому, чтобы в этом видел что-либо предосудительное, поскольку ни о каких политических вопросах речи не заходило, а просто потому, что эти люди как мыслители не показались слишком интересными. В одно из этих посещений, не помню в какое, я мельком виделся с Андриевским Иваном Михайловичем¹⁹, который держался молчаливо и не высказывался по существу, но, видимо, относился отрицательно к самому подаванию таких вопросов, о котором говорилось в нашем трактате. С Андриевским впервые познакомился еще в 1923 г. у его сестры — поэтессы Марии Шкапской²⁰, у которой я тогда останавливался. Но и тогда его религиозно-философские интересы мне показались крайне узкими и, так сказать, семинарскими. Что все эти люди, объединенные по одному внешнему признаку «религия», ничем между собой крепко не связаны, это сейчас же вскрылось той постановкой религиозных проблем, какая дана в «Смертбожничестве». Закрывать эти казенные противоречия и замазывать их какою-либо обще «политической» или «общественной» ориентацией, может быть, это для них и возможно, но никак не в разговорах, поднятых мною. Поэтому даже каких-то подобий «единого фронта» я не заметил. С этим согласится всякий, кто прочтет названный трактат, что

разговоры были именно по этому поводу, и в связи с этим этого, конечно, не будет отрицать никто из названных лиц.

Таким образом, если считать одной из задач поездки прощупывание конечных устремлений ряда лиц в Ленинграде, работающих в области религиозно-философской, то это прощупывание дало результаты вполне удовлетворительные.

О Комаровиче я слышал спустя много времени, что он арестован, на днях же услышал от поэта Бориса Садовского²¹, что он уже освобожден и живет в Нижнем Новгороде.

1927 г. явился, как мне кажется, некоторым рубежом в области религиозно-философских исканий. Мысли всех «искателей» зашли в тупик и начали хиреть. В Париже же, где существуют ряд журналов («Путь», «Версты»), выражающих соответствующие течения, можно отметить и некоторое приближение к выходу из этого тупика, что, как мне представляется, состоит в усвоении некоторых основных идей Федорова. Любопытно, что одновременно с этим наблюдается и довольно более правильная политическая линия, довольно дружелюбная в отношении Соввласти. Раскол Антония²² и Евлогия²³ вынуждает сторонников последнего искать новых позиций. В дальнейшем, думается, неизбежен здесь полный переворот в умах. Об этом достаточно рассказал Сетницкий, побывавший в Париже летом [19]28 г.²⁴ Нашим закосневшим в обывательском подходе искателям приходится пока замалчивать это. Можно отметить, и это вполне понятно, за последний год упадок и уныние в церковных кругах, так как их грызней и полемикой перестали интересоваться. В течение года вышло, что главное общение у меня происходило с толстовцами, которые увидели, что замалчивать Федорова нельзя, признавая, кажется, в частности в письме, необходимость и пользу воинской повинности, если она будет обращена против слепых сил природы — и т. п.²⁵ Одновременно — начиная с Максима Горького, который еще с [19]20 г. усердно изучал Федорова, начала о нем писать советская печать как об особенно «интересном для нас мыслителе»²⁶. Как раз в последние три недели я был занят приготовлением статей для «Правды» и «Красной Нови» — по поводу юбилея Федорова. Встречаясь с представителями религиозной мысли вроде Г. И. Чулкова²⁷ или Бориса Михайловича Зубакина²⁸, я не нахожу в них ничего, кроме робко выжидательного и неопределенного разглагольствования. В настоящее время у нас нет ни одной сколько-нибудь ясной идеи, которая бы всех в чем-нибудь объединила. Нельзя же, в самом деле, говорить о каком-то «воскресении» и умалчивать о Федорове. Признание же Федорова обязывает к признанию (сделанному даже евразийцами), что в настоящее время коммунисты делают больше, чем кто-либо, для осуществления идей Федорова.

Протокол допроса А. К. Горского от 17 января 1929 г.

Показания по существу дела:

Экскурсию в пустынь Серафима Саровского организовал Савельев Василий Петрович — Грохольский пер., д. № 16, ездило человек 6—7, сестры Сорокины — Ирина и Наталья Ивановны — Плотников пер., Богоявленский Олег Павлович, Всеволод Николаевич Галкин (покончил с собой)²⁹ и еще кто — не помню. Меня очень интересовало то движение, которое было вокруг пустыни в народе. Интересовала история Сарова, и я с этой целью ездил в Саров вместе с Сергеем Петровичем Преображенским³⁰, а обратно я возвращался вместе с Савельевской компанией. Упоминаемый в письмах Маслов Миних³¹, поэт, сын артистки Масловой³², где остановился, — не знаю; я его знаю с детства. Шманкевича³³ я последний раз встречал недели две тому назад в Коопечати. Наверное, живет он у своего племянника — Петра Федосеевича, как будто Литинский его фамилия, служит дворником на Плющихе или на Девичьем поле. Нина Буткевич, дочь профессора, она знакомая Преображенского, ни разу у нее мы не собирались, знаком я с ней очень мало, какое должно было состояться собрание у нее, я совершенно не помню. Бывая в Ленинграде, ни на каких общих молитвах не присутствовал. Записано с моих слов верно.

А. Горский-Горностаев

**Протокол допроса А. К. Горского
(без даты; не позднее 25 января 1929 г.)**

Показания по существу дела:

В Ленинград я ездил всего два раза: один раз в 1923 г., и второй раз в апреле 1928 г.; ездил вместе с Соколовым Сергеем Владимировичем³⁴. Цель поездки ознакомиться со всем, что было интересного в Ленинграде, а главным образом прочитать доклад о Блоке и Гоголе в обществе лиц, интересующихся Блоком. Кроме того, я хотел бы завязать знакомства с рядом лиц. Среди них были лица, интересовавшие меня с разных сторон, например, религиозно-философских, литературно-художественных, историко-литературных, научно-технических и т. д. Для того чтобы прочитать доклад о «Блоке и Гоголе», я обратился к Пинесу Дмитрию Михайловичу, который мне сказал, что сейчас нет такого литературного общества, где можно было зачитать этот доклад, и предложил собрать несколько лиц и прочитать доклад у него на квартире. На собрание приглашал Пинес сам, но Иванова-Разумника³⁵, по совету Пинеса, приглашал я сам. На собрании присутствовало человек 10, из них помню вдову Блока, тетку его, других — не помню. Меня интересовал Аничков, как хилеас³⁶, и мне

хотелось выяснить его отношение к Федорову, для этой цели я пошел к Аничкову, был у него два-три раза. Один раз я принес ему книгу «Смертобожничество», второй раз пришел к нему и застал у него довольно многочисленное общество, состоящее из дам и мужчин, в столовой или в его кабинете шел разговор с зачитыванием выдержек из «Смертобожничества»; мне хотелось знать точку зрения Аничкова и его друзей на тезисы «Смертобожничества» и понимание Сетницким главы Апокалипсиса о тысячетлетнем царстве³⁷. Доклад я не делал о Федоровском движении, говорил ли я о существовании «Федоровских кружков» в Москве — не помню. На самом деле никаких Федоровских кружков в настоящее время нет. Кажется, в 1924 г. собирались ряд лиц — Куликов Владимир Васильевич у своего знакомого, живущего в Шереметьевском пер-еулке, собирал ряд лиц, в числе которых и я был, числом до 10 чел<овек>. Читались на них какие-то неизданные статьи Федорова. Затем были собрания у Савельева Василия Петровича, молодой человек, где служит — не помню, у него собрались также молодые люди, главным образом его родственники, где читались ряд проработок членов кружка, Герцена, Пушкина, Гоголя, Достоевского, я там бывал раз семь-восемь³⁸. Это было в 1927 г. об этом я говорил Казанскому. Бывал я также у Златовратского Александра Николаевича³⁹, прожив<ивающего> Б<ольшой> Козихинский, дом — не помню, квартира, кажется, 2. У него были Шенрок Николай Владимирович и еще какие-то его знакомые, из моих знакомых было только двое — Маслова Ольга Николаевна, артистка на пенсии, и еще кто-то, не помню. Я читал биографию Федорова и изложение его учения. Бывал я не больше двух раз, собираются ли они, т. е. Златовратский, регулярно — мне неизвестно. В Ленинграде кроме, как у Пинеса и Аничкова, ни на каких собраниях не был. В 1923 г., когда я был в Ленинграде, цель поездки детально не помню. Шкапская Мария Михайловна водила меня по разным литературным собраниям. Она же меня познакомила с Андриевским. Как-то она мне дала адрес своего брата Андриевского, предложила туда пойти и предупредила, что там будет собрание лиц, интересующихся философскими вопросами с уклоном в религиозно-философские. Она же мне сказала, что [собрания] происходили регулярно в две недели раз. На собрании присутствовало чел<овек> 15—20, доклад делал Аскольдов о Шпенглере. Андриевский приглашал еще раз прийти через две недели, я спросил, можно ли привести с собой Волынского Акима Львовича⁴⁰, Андриевский разрешил. На собрание это я не попал, т<ак> к<ак> уехал в Москву. Был ли на первом собрании Мейер⁴¹, я не помню, возможно, что он был, а я его не знал, и когда по уходе его сказали мне, что это Мейер, жалел. Было ли это точно так, я не помню, но, во всяком случае, я Мейером очень интересовался как

автором ряда книг религиозно-революционного характера. С Мейером я так и не познакомился.

С Соколовым Сергеем Владимировичем я знаком приблизительно с [19]24 г., познакомил меня кто-то из феоdosийцев — Макс Волошин и ряд лиц, которые его окружали, — Семенова Елена Евгеньевна⁴², Шлипс Тамара Александровна, Эли Шполь⁴³. <...> Вместе с Соколовым я ездил в Ленинград, потому что у нас с ним был интерес к одним и тем же лицам. Не помню, вернулся ли он со мной, или остался, но, кажется, остался, он хлопотал о переводе или устройстве куда-то своего отца-священника. Потом, уже в 1928 г., вначале он был командирован в Павловск в Магнитную обсерваторию для зачетных работ по грозовым вопросам. Он пригласил туда к себе пожить и отдохнуть Шманкевича Всеволода Ивановича, постоянно проживает в Москве, квартиры он не имеет. Бывали ли они у лиц, у которых были мы с Соколовым вместе, Соколов мне не говорил. Соколов писал мне, что он очень подружился с поэтом Кузминым⁴⁴.

Точнее выражаясь, относительно единомыслия С. Соколова со мной, я мог бы сказать, что он нередко с увлечением повторял перед разными лицами разные высказанные мною взгляды, не без того, чтобы иногда исказить их, и, во всяком случае, старается организовать свои мысли в какую-то систему, но это ему плохо удается. Мое же сознательное влияние на него клонится к тому, чтобы он специализировался, прежде всего, на научной работе, к чему он за последнее время несколько раз приближался.

Записано с моих слов верно.

А. Горский

***Выписка из протокола заседания Коллегии ОГПУ
(судебное) от 22 июля 1929 г.***

Слушали: Дело № 68551 по обв<инению> гр<аждан> Горского-Горностаева Александра Константиновича, Соколова Сергея Владимировича и др<угих> в числе 5-ти по 58—11 УК. (Дело рассм<отреть> в пор<ядке> пост<ановления> През<идиума> ЦИК СССР от 9 июня 1927 г.).

Постановили:

1) Горского-Горностаева Александра Константиновича — заключить в концлагерь, сроком на десять лет, считая срок с 11 января 1929 г.

2) Дружкина Самуила Львовича,

3) Соколова Сергея Владимировича — заключить в концлагерь сроком на три года, считая срок с 16 января 1929 г.

4) Зильберштейн Сильвию Семеновну,

5) Шманкевича Всеволода Ивановича — из-под стражи освободить, лишив права проживать в Москве, Ленинграде, Харькове, Киеве, Одессе, Ростове н/Д, означ<енных> губ<ерниях> и округах и погран<ичных> губ<ерниях> с прикреплением к определенному месту жительства сроком на три года, считая срок с 16 января 1929 г.

Дело сдать в архив.

Секретарь Коллегии ОГПУ (*подпись*)

